

УДК [81'367.626:81'373.612.2]: [811.161.1+ 811.581]

UDC [81'367.626:81'373.612.2]: [811.161.1+ 811.581]

МЕСТОИМЕННАЯ МОДЕЛЬ ЗООНИМИЧЕСКИХ МЕТАФОР В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

PRONOUN MODEL OF ZOONYMIC METAPHORS IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Сюэ Бин,

аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Xue Bing,

Postgraduate student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
of Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank

Поступила в редакцию 10.01.2024.

Received on 10.01.2024.

Рассматриваются структурно-сематические модели русского и китайского языков, включающие в свой состав личные местоимения и предикативные части, представленные наименованиями животных. В такого рода местоименно-зоонимических моделях раскрывается содержание личностного «я» посредством приписывания человеку (в дискурсе – повествователю, лирическому герою) определенных характеристик животных, сложившихся в силу исторических и национально-культурных традиций того или иного этноса. Характеризуются типологические и специфические для каждого из языков местоименные семантические модели, выявляются коннотативные и смысловые различия зоонимических образов. Представлены иллюстрации синкретичных, сравнительных и перечислительных метафорических контекстов.

Ключевые слова: местоимение; наименования животных; семантическая модель; метафора; коннотация; дискурс; русский язык; китайский язык.

The structural-semantic models of the Russian and Chinese languages are considered, including personal pronouns and predicative parts represented by the names of animals. In this kind of pronominal-zoonymic models, the content of the personal "I" is revealed by attributing to a person (in discourse – the narrator, lyrical hero) certain characteristics of animals that have developed due to the historical and national-cultural traditions of a particular ethnic group. Typological and pronominal semantic models specific for each language are characterized, connotative and semantic differences of zoonymic images are revealed. Illustrations of syncretic, comparative and enumerative metaphorical contexts are presented.

Keywords: pronoun; names of animals; semantic model; metaphor; connotation; discourse; Russian language; Chinese language.

В современной лингвистической науке на протяжении многих десятилетий обсуждается сложный вопрос о семантике личных местоимений, который решается с двух противоположных точек зрения. В одних случаях местоимение характеризуется как разряд слов, не имеющий постоянного денотативно-сигнификативного содержания. В других случаях местоимению приписывается специфическое лексическое значение, заключающееся в особом способе обозначения реальной действительности: дейктический элемент не только конкретизирует его лексическое значение, но и относится к постоянному классу денотации – когнитивным концептам [1; 2, с. 7]. Специфичность лексических значений личных местоимений заключается в их контекстовой зависимости, прагматической обусловленности, двойственном характере семантики, сочетающей дейктический (указательный) и заместительный компоненты. Сущность заместительного компонента состоит в раскрытии содержания личного «я», специфике репрезентации личностных качеств индивида, его различных характеристик и оценок. По причине такой семантики личные местоимения выполняют важную роль в структурно-смысловой организации текста, в котором выявляется конкретная заместительная функция этого лексико-грамматического разряда слов.

Значение личных местоимений, реализующееся в роли различного рода заместителей, многие исследователи относят к специфическому виду вторичной номинации, при которой местоимение

в его первичном значении не трансформируется и не переосмысливается на основе каких-либо сходств и ассоциаций, вторичные лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) не развиваются по определенным моделям и формулам, а происходит раскрытие содержания личных местоимений, расширяются авторские намерения, воплощения и преломления, раскрываются авто-семантические обозначения лица [3, с. 190; 4, с. 201–225]. Такая разновидность вторичной номинации в лингвистической литературе называется суппозитивной метафорой (лат. *suppositio* 'подстановка, замещение, допущение'). В разряд суппозитивных метафор включаются автометафоры с личным местоимением 1-го лица единственного числа, коалиционные метафоры (лат. *coalitio* 'союз') с личным местоимением 1-го лица множественного числа и интерлокутивные метафоры с личными местоимениями 2-го лица (*ты, вы*) [3, с. 191].

Личное местоимение я чаще всего используется в двухкомпонентных метафорических конструкциях, в которых первый компонент (левая часть конструкции) представлен местоимением, выполняющим, как правило, функцию подлежащего. Второй компонент (правая часть конструкции) представлен так называемыми заместителями (распространителями, конкретизаторами, имплицаторами) местоимений, которые по своей структуре могут состоять из одного или нескольких слов, а также словосочетаний, целых предложений и (реже) слож-

ных синтаксических конструкций и целых текстов. Второй компонент является носителем главной, наиболее важной информации, содержащей практически бесконечные и необозримые фрагменты объективной действительности и космического континуума.

Первый и второй компоненты метафорических контекстов образуют своеобразные конструкции «я-высказывание» («я-сообщение», «я-образ», «я-концепция»), в которых представлены мысли, эмоции, переживания, желания, намерения местоименного «я» (как правило, это действующее лицо, лирический герой, повествователь). Это зафиксированные в словесной форме познания и представления человека о самом себе в самых разнообразных жизненных ситуациях, оценка самого себя посредством собственных знаний, а также мнений других людей. По мнению Р. Бёрнса, «я-концепция» в большей степени связана с самооценкой как совокупности установок «на себя» и является суммой всех представлений индивида о самом себе. Это, по его мнению, следует из выделения описательной и оценочной составляющих. Описательную составляющую автор называет образом «я» или картиной «я». Составляющую, связанную с отношением к себе или к отдельным своим качествам, самооценкой или принятием себя. Он пишет, что «я-концепция» определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем» [5, с. 169]. Образ «я», таким образом, является многокомпонентным и многоуровневым понятием, все составляющие которого включают бесчисленное множество местоименных отождествлений и перевоплощений.

Современный публицистический и художественный дискурс дает представление о смысловом содержании образа «я», совокупности представлений о себе как личности (самовосприятие, самооценка, социальные отношения, физическое состояние, личностные качества, поведенческие характеристики и др.). Во многих текстах содержится раскрытие «я» через ретрансляцию характеристик животных на человека, что является отражением активно действующей в языке метафорической модели зооморфического типа. Наименования животных (зоонимов) относятся к числу универсальных культурных кодов, с помощью которых базовая (исходная) этнокультурная информация преломляется через призму сознания человека и употребляется для характеристики человека. Образование вторичных номинаций человека в этом случае укладывается в инвариантную семантическую модель «местоимение я» → «наименование представителей животного мира». Представление образа человека в этой модели осуществляется как на реальных (чаще всего физических) характеристиках животного, так и мнимых, воображаемых качествах, приписываемых животному в силу сложившихся национально-культурных и религиозных традиций. Причем в разных лингвокультурах такие ассоциации могут носить совершенно различный характер. Так, например, метафора *баран* в турецком языке обладает положительной оценкой и указывает на красоту и стать молодого человека, его фигуру и осанку

(в русском языке это символ глупости). В узбекском языке существительное *попугай* – это любовное обращение к девушке (в русском – это болтливый человек, не имеющий собственного мнения и повторяющий чужие мысли). Свинья для народов Индокитая – знак благосостояния (в русском языке *свинья* – грязный, неопрятный, низменный человек). В структуре английского субстантива *bear* вместе с прямым значением ‘медведь’ фиксируется сленговый ЛСВ ‘полицейский’.

Различное осмысление зоонимических образов наблюдается в русском и китайском языках. Так, китайское существительное 牛 ‘корова’ символизирует здоровье, силу, трудолюбие. В русском существительном *корова* ‘толстая, неуклюжая, неумная женщина’ актуализируются такие качества, как большие размеры, глупость и неуклюжесть. Субстантив *заяц* у носителей русского языка содержит негативную коннотацию и ассоциируется с трусостью, робостью, в китайском языке у существительного 兔子 ‘заяц’ актуализируются интеллектуальные и физиологические особенности животного, представленные такими характеристиками, как симпатичность, добро, ум, сообразительность. Заяц в китайской мифологии выступает в качестве символа Луны, где он изготавливает лекарства, чтобы оказать помощь людям.

Китайское существительное 企鵝 ‘пингвин’ употребляется для характеристики тупой, толстой, но симпатичной женщины, в русском же языке это слово используется в прямом значении без каких-либо метафорических ассоциаций.

В русском литературном языке зооморфный образ слона используется для наименования большого, толстого, неуклюжего человека: *Вслед за Вашим письмом ввалился ко мне человек-слон* (П. Анненков); *Конечно, я похож на слона: волос на голове нету и уши-попухи торчат*. (Ю. Даниэль). В китайском языке доминирующий признак внешнего вида слона нейтрализуется, в результате чего актуализируется положительная коннотация, в структуре которой крупный размер животного ассоциируются с представлениями о чем-то грандиозном, мощном, величественном, поражающем своей силой и мощью: *Я – одна тихая слон, молча охраняющий этот лес*. (CCL).

Китайское слово 喜鹊 ‘сорока’ употребляется со значением человека, приносящего хорошие новости: *Я – одна сорока, возвещающая хорошие новости, песни счастья и блага пою*. (Чистая земля под солнцем). В русском существительное сорока служит для номинации болтливой женщины, сплетницы.

В смысловой структуре русского существительного *крыса* фиксируется переносный ЛСВ ‘человек, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное’. В китайском соответствии 老鼠 это трусливый, недальновидный вор [4, с. 31–32; 6; 7; 8, с. 8; 9, с. 74; 10; 11, с. 365].

Несовпадение содержательных и коннотативных регистров зоонимических номинаций в разных языках объясняется прежде всего экстралингвистическими причинами, к числу которых относятся различия ассоциативных связей между человеком

и животным, обусловленные культурно-этническими, социально-историческими и многими другими причинами.

Специфика зоонимических номинаций, включенных в местоименную формулу «я» → «животное» заключается в том, что «я» является расшифровкой представления о самом себе, своеобразной «я-концепцией», в которой «я» отождествляется сквозь призму разнообразных образов (как реальных, так и нереальных, фантастических). Наряду с термином «я-концепция» используются терминологические единицы и сочетания типа я-образ, я-самость, alter-ego, раскрывающие разные представления индивида о самом себе, своих физических, интеллектуальных, ментальных качествах, своих возможностях и своем месте в системе межличностных и социальных отношений.

Включение зооморфизмов в местоименную модель не выходит за рамки традиционных сравнений и отождествлений, актуализирующих как положительные, так и отрицательные характеристики жизнедеятельности человека. В русском языке (по сравнению с китайским) местоименно-зооморфический корпус более объемный, представлен разветвленной парадигмой ассоциативных связей, связанных с теми или иными животными, самые различные качества которых в определенной степени приписываются герою повествования: *Давно я, старый крокодил, не пил чайку как следует, по-христиански, в семейной обстановке.* (А. Курприн); *Разве ты не знаешь, что я старый боевой конь, старая бестужка.* (Б. Пастернак); *Я – конь избитый, хоть ретивый!* (А. Григорьев); *А я – овца // В печальном положеньи принца // Без королевского дворца.* (Г. Иванов); *Я не святой и, может быть, хуже тебя: но я волк, голодный и ловкий, да и голод дал мне храбрость.* (В. Розанов).

В русских и китайских художественных текстах авторское «я» часто ассоциируется с птицей, репрезентирующей такие качества человека-птицы, как свобода, вольность, робкость, слабость, печаль и мн. др.: *Я птица вольная. Я два крыла раскрыл.* (К. Бальмонт); *Я – птица робкая; ты мне крылом будь смелым.* (М. Михайлов); *Я – иволга, мой голос первый в лесу, после дождя.* (М. Цветаева); *Я птица печали. Я – Гамаюн.* (А. Ахматова); *Я – только слабая птичка, Малы у меня крыла.* (А. Блок); *我是一只乱飞的鸟, 也偶尔的投奔一下故乡的园林.* (臧克家) – *Я бродячая птица, иногда залетаю в сад своей родины.* (Цзан Кэцзя); *我是个云雀, 经常向碧空飞得很高很远, 到一定程度, 最终还是直向下坠, 归还旧窠.* (沈从文) – *Я – жаворонок, часто взлетающий высоко и далеко в голубое небо, но в какой-то момент, наконец, падающий вниз и возвращающийся в свое старое гнездо.* (Шэнь Цунвэнь); *去跟三年级的大同学一起跳舞, 虽然我当的是小小麻雀, 只管飞来飞去, 并不要唱什么.* (林海音) – *Я ходила на танцы со старшими третьеклассниками, хоть и была маленькой воробышкой, просто летала и ничего не пела.* (Линь Хайнь); *迎霜笑了, 说: “你又不是不知道, 我是黄昏里的猫头鹰, ……”* (王旭烽) – *Иншуан улыбнулась и сказала: «Ты же знал, что я сова в сумерках...»* (Ван Сюфэн); *我是做了南面王, 我是这些鸡群中的一只白鹤!* (郭沫若) – *Я стал королем на Юге, я – белый журавль среди этих кур!* (Го Можо).

Образ верблюда в русской и китайской традиционной культуре ассоциируется с работоспособностью, выносливостью человека: *Я себя чувствую верблюдом, который под тяжестью своих горбов валится на землю.* (Л. Шапорина); *我是城市的骆驼, 每天不停的工作.* (刘君) – *Я верблюд в городе, работаю без перерыва каждый день.* (Лю Цзюнь).

Со словом осел в русском и китайском языках ассоциируется тупой, упрямый человек: *Я осел, Марья Александровна! – вскричал он почти в отчаянии.* (Ф. Достоевский); *Потом, поняв, он расвирепел. «Какой же я осел!»* (Ю. Трифонов); *我是一头驴, 一头很平常, 但也很犟的驴.* (王自禄) – *Я осел, обычный, но и упрямый осел.* (Ван Цзылу). *这时我忘记我是一只骆驼, 我身上负有人生的重担.* (ВСС) – *В этот момент я забыл, что я верблюд и что несу бремя жизни.* (ВСС).

Широкая парадигма смысловых отождествлений в ряде случаев носит синкретический характер, предусматривающий актуализацию нескольких качеств и свойств человека. Так, в различных контекстных ситуациях с субстантивом свинья обыгрывается целый спектр отрицательных качеств человека, связанных с неблагодарностью, укоризной, порицанием, упреками, ленью, забывчивостью, отсутствием должного внимания к кому-либо, самооправданием, самобичеванием: *Знаю, знаю, я свинья, не писал тебе тысячу лет.* (В. Белоусова); *Ужасная я свинья – так долго не писать ему!* (А. Тарковский); *Я ужасная свинья, заставила вас ждать, но что мне делать?* (З. Масленикова); *А я... А я – свинья! Нет мне прощения!* (Т. Соломатина); *Какая я была свинья, что мало ценила ее! Да, я свинья, насквозь извращенное, порочное, эгоистическое создание.* (А. Сарибан); *Талька исправила мое черное платье (для экзаменов), а я, свинья, даже не поблагодарила.* (З. Лелянова); *Лара подумала: «Он проявил столько заботливости, сохранив эту память, а я, такая свинья, даже не спросила, кто он и откуда».* (Б. Пастернак); *好! 好! 猪就猪! 我是蠢猪, 你呢!* (卧龙生) – *Хорошо! Хорошо! Свинья есть свинья! Я глупая свинья, а ты?* (Во Луншэн); *整天睡, 兰兰下了班就笑我是只猪.* (亦舒) – *Сплю целый день, Ланлан смеется надо мной после работы за то, что я свинья.* (И Шу).

В синкретичном ряду могут сочетаться возрастные и ментальные коннотации, для чего в тексте наряду с зооморфизмами козел, баран используются дополнительные характеризующие маркеры: *адекватно старый, субстантив дурак и др.: Она моя ученица и я – старый козел...».* (Т. Семина); *Я дурак, – прежде всего, виноват во всем я, старый баран, будто бы влюбившийся в очередную юную барышню.* (А. Григорович); *Какой я вам Ной, я лишь старый козел, которого пора выбрасывать за борт.* (В. Аксенов).

В смысловых парадигмах могут актуализироваться не только какие-либо однородные (чаще всего синонимические), но и антонимические модели деятельности и поведения человека. Ярким примером сочетания позитивных и негативных коннотаций могут служить субстантивы собака, пес, с которыми ассоциируются такие свойства и качества, как преданность, верность, привязанность: *Я собака, а у собаки, как известно, главное каче-*

ство – это преданность и справедливость. (А. Клейн); Я все же – собака, верный пес, домашний, неуклонимый от своего собачьего служения. (И. Дедков); Я – верный пес, я из тех собак, что умирают на могиле. (С. Алексеева); Да, я собака. Собака, да. Но собака чем отличается от человека? Она отличается преданностью своему хозяину. (В. Войнович). В то же время в субстантивах собака и пес актуализируются отрицательные коннотации, связанные с агрессией, злостью, гневом, грубостью, излишней услужливостью: *Ведь я собака, – любил говорить Ванновский своим подчиненным, – я всех кусаю, никому дремать не даю.* (А. Керсновский); *Я – цепная собака, и ты, Никон Зотыч, не лучше меня...* (Д. Мамин-Сибиряк); *Я – пес поганый, жид пархатый, а я лучше вашего знаю все.* (Д. Мережковский); *Я пес недостойный и страдный.* (К.Ушинский); *Я пес приبلудный в доме, а не хозяин! – вдруг выкрикнул он раздраженно.* (А. Будищев).

В китайском языке ассоциативное поле со словами *собака*, *пес* менее объемно и также содержит как положительные, так и негативные характеристики человека: *我是一条有正义感的狗。* (莫言) – Я собака с чувством справедливости. (Мо Янь); *我是一条狗, 作为义父忠心的狗, 我还认为是一宗荣幸呢。* (亦舒) – Я собака, и считаю за честь быть верной собакой своего приемного отца. (И Шу); *“我是你的看门狗, 专咬那些不识相的男人!”他说着。* (楷隶儿) – «Я ваша сторожевая собака, специализирующаяся на том, чтобы кусать этих невежественных людей!», – сказал он. (Кайлиэр)

В различных текстовых фрагментах русского языка изображения собственного я могут носить многоликий, многообразный характер, для чего используется несколько зоонимов или сочетание зоонимов с персонифицированными наименованиями: *Какая там я женщина? Я ломовая лошадь. Я цепная собака. Я буренушка. Ну вот опять меня занесло...* (Г. Щербакова); *Хорошо. Я – зверь, хам, грубая скотина. Я не понимаю, не ценю тонкую душу моего коллеги и начальника.* (Ю. Домбровский); *Я – змей, похитивший царевну, – Дракон! – Всем женихам – жених!* (М. Цветаева); *Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог.* (Г. Державин). В текстовом фрагменте китайского языка местоимение я расшифровывается субстантивами *осел* и *корова*: *我是一个从来不听人劝的倔驴, 一股脑奔到尽, 不撞南墙不回头的蠢牛!* (ВСС) – Я упрямый осел, который никогда не слушает советов, глупая корова, которая бежит до конца и никогда не оглядывается назад, пока не упрется в стену! (ВСС)

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
2. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
3. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: текстодискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.

Представление о себе через образ животных в русском языке часто осуществляется посредством сравнения двух и более зоонимических метафор, что позволяет более четко идентифицировать себя, выделить наиболее яркие, индивидуальные черты лирического героя. В такого рода сопоставительных конструкциях наряду с местоимением я используются местоимения *ты*, *он* в сочетании с сопоставительными союзами или без них: *Я – зверь, она – к земле прильнувшая змея.* (Н. Минский); *Я не волк, мил человек, я заяц.* (Б. Васильев); *Ты – кошка, которая гуляет сама по себе. А я – собака.* (И. Калабухова); *Ты бык, а я корова. Бык останется быком, а корова – с молоком.* (Н. Коляда); *Он ждет. Он кошка – я мышь. До дверей четыре шага.* (Б. Савинков); *А он отвечает: я не ежик, я мышка.* (М. Аромштам); *Он владелец, а я вещь, собака, ничтожество.* (А. Амфитеатров).

Таким образом, метафорическая модель «я» → «животное» характеризуется двунаправленностью, отражающей, во-первых, устоявшуюся связывающую прототипического «образа» животного и связанных с ним национально-культурных представлений об окружающем мире и, во-вторых, специфику, «я»-образа, помещенного в зооморфический контекст, семантическое наполнение которого обусловлено особенностями мировосприятия автора, его личным жизненным опытом, а также системой ценностей, позволяющих посредством актуализации тех или иных личностных качеств отождествлять себя с приписываемым животным определенными свойствами, качествами или признаками. Поэтому эта модель (в отличие от персонифицированной, природной или артефактной) характеризуется меньшим количеством представленных лексических единиц, ограниченным количеством ассоциативных признаков, в которых содержатся представления человека (в текстах это персонаж или лирический герой) о своих качествах, способностях, желаниях, интересах, возрастных особенностях, умственных способностях и др.

В местоименных метафорах отражаются как общие, типологические, так и специфические, национально-культурные черты местоименных метафорических образов и представлений. Система местоименных зооморфизмов в русском языке характеризуется более высокой степенью разветвленности семантических структур полисемантов, привлечением более разнообразного фактического материала, в то время как в китайском языке в качестве дефиниций к личному местоимению приводятся более обобщенные и нейтральные характеристики, в ряде случаев не содержащие каких-либо коннотаций.

REFERENCES

1. Paducheva, E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij) / E. V. Paducheva. – M. : Nauka, 1985. – 271 s.
2. Shvedova, N. Yu. Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva / N. Yu. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 1998. – 176 s.
3. Kurash, S. B. Metaforika belorusskoj i russkoj poezii: tekstodiskursivnyj aspekt / S. B. Kurash. – Mozyr' : UO MGPU im. I. P. Shamyakina, 2020. – 322 s.

4. *Старычонок, В. Д.* Многазначнасць слова ў беларускай мове. У 3-х кн. / В. Д. Старычонок. – Мінск: Колорград, 2017. – Кн. 2. Семантычная прастора чалавека ў мове і маўленні. – 349 с.
5. *Бёрнс, Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бёрнс. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
6. *Гаврилюк, М. А.* Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межъязыковые универсалии и национальная специфика / М. А. Гаврилюк // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – С. 44–49.
7. *Гаврилюк, М. А.* Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека / М. А. Гаврилюк // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 10 (138). – С. 136–141.
8. *Романкевич, М. Н.* Зооморфизм и зоосимвол в системе вторичных номинаций французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / М. Н. Романкевич; Минский гос. лингв. ун-т. – Минск, 2016. – 24 с.
9. Семантическая специфика национальных языковых систем. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
10. *Устуньер, И.* Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И. Устуньер; Екатеринбург. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.
11. Lurker 1989 – Lurker, M. Lexikon der Gutter und Dumonen: Namen, Funktionen, Symbole, Attribute 2, erw. Aufl. / M. Lurker. – Stuttgart: Kroner, 1989. – 365 p.
4. *Starychonak, V. D.* Mnagaznchnasc' slova ũ belaruskaj move. U 3-h kn. / V. D. Starychonak. – Minsk: Kolorgrad, 2017. – Kn. 2. Semantychnaya prastora chalaveka ũ move i maũlenni. – 349 s.
5. *Byorns, R.* Razvitie Ya-konceptii i vospitanie / R. Byorns. – M.: Progress, 1986. – 422 s.
6. *Gavrilyuk, M. A.* Zoomorfная metafora v kitajskom i russkom yazykah: mezh"yazykovye universalii i nacional'naya specifika / M. A. Gavrilyuk // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2012. – S. 44–49.
7. *Gavrilyuk, M. A.* Zoomorfizmy kitajskogo yazyka kak sredstvo aksiologicheskoy harakteristiki cheloveka / M. A. Gavrilyuk // Vestnik TGPU. – 2013. – № 10 (138). – S. 136–141.
8. *Romankevich, M. N.* Zoomorfizm i zoosimvol v sisteme vtorichnyh nominacij francuzskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05 / M. N. Romankevich; Minskij gos. lingv. un-t. – Minsk, 2016. – 24 s.
9. Semanticheskaya specifika nacional'nyh yazykovyh sistem. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. – 164 s.
10. *Ustun'er, I.* Zoomorfная metafora, harakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i tureckom yazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / I. Ustun'er; Ekaterinburg. gos. un-t. – Ekaterinburg, 2004. – 25 s.
11. Lurker 1989 – Lurker, M. Lexikon der Gutter und Dumonen: Namen, Funktionen, Symbole, Attribute 2, erw. Aufl. / M. Lurker. – Stuttgart: Kroner, 1989. – 365 p.